

Рассказ казака Красного умета Лоскутова (о Емельяне Пугачеве в передаче И. И. Железнова)

— Бежал он из Питера от «налоги» и прибежал к нам на Яик, — говорил слепой и очень старый казак Лоскутов, житель Красного умета. Спервоначально никому из наших невдомек, что он бежавший царь. Был он у севрюг¹ в обозе у казаков в кашеварах. Бывало, соберутся позавтракать али пообедать, и он собирает им на стол, кормит, прислуживат, а как дойдет дело до сухарей, схватит пригоршни и бросит в чашку иль-бо в котел с азартом и скажет: «Царь сухари ест!» Все только засмеются да меж себя потолкуют: «Какой прокурат, какой забавник наш кашевар!» А то и в башку никому не придет, оболтусам, что кашевар-то не просто побродяга, а сам царь. О себе, значит, наветки давал.

Пришли от севрюг и забыли про кашевара. А он живет у кого-то из наших казаков — у Толкачевых ли, у Пьяновых ли, у Шелудяковых ли, наверное не могу сказать, да это все единственно, у кого бы там не было. Живет он себе по убожеству в передбаннике. Каково? Из царских-то палат в передбаннике, в кажинную, бывало, ночь затеплит перед образом свечку и молится. Однажды хозяева и подслушали: читает он, батенька, канун заздравный, а за кого? Чудеса, батенька мой! Читает он за царя-наследничка, за Павла Петровича, величает его рожденным чадом своим! Хозяев, как услышали они это, словно колотушкой кто огрел по лбу. И разнеслась об этом слава по всему городу. Тут только и раскусили слова его у севрюг: «Царь сухари ест!» Пристали к нему: кто он такой? Он и повинился. И дивился же народ такому чуду! Царь — кашевар! Царь сухари ест! Царь в предбаннике!.. Чудны, чудны дела господни.

С той поры он и стал оперяться: взял вскорости силу большую и пошел кстить! И пошел! И пошел! Дым коромыслом встал. Дрогнула мать сыра-земля, и застонала вся Расея! Не проходило дня, в кой бы не повесил он кого, что не веровал в него. Особенно господам доставалось, долго, чай, помнили его, — никому не спускал, кто в руки попадался, всякого на рели вздергивал, а все за то, что сам от них натерпелся муки вволю. Значит, долг платежом красен, — невестке, значит, на отместку. А к простому народу

был милостив.

Начал он свое похождение от нашего города и пошел супротив солнца к Оленбурху (Оренбург); от Оленбурха поворотил на заводы, оттуда на Волгу, с Волги пришел на Узени, — все, значит, шел супротив солнца. На Узенях остановился. Дальше никуда не пошел. Там, значит, предел был положен! — заключил старик.

Потом, погодя немного, продолжал:

— Привезли его с Узеней чинным манером в наш город и при всем народе заковали в кандалы да и повезли за конвоем в Москву. Конвойным был наш Мартемьян Михайлович Бородин, самый первый супротивник его. Ладно. Пугача, значит, нет в городе, — увели. Хорошо. Слушай-ка, что вышло.

Вечером в тот день, как увезли его, Кузнецовы, родня его, сидели за ужином. Вдруг отварились двери, и входит купец. «Хлеб соль!» сказал купец. Кузнецовы вздрогнули, и ложки выпали у них из рук: это, значит, он был; они по голосу его узнали. «Не бойтесь, это я! — говорит он. — Пришел проведать вас и успокоить, что не пропал я. Хоша Мартемьян Михайлович и везет в Москву Пугача, да не того, кого бы хотел. Я, — говорит, — по милости божией, не пропаду. Ну, прощайте! Живите по добру, по здорову!» Сказал это, да и был таков. Только что Кузнецовы опамятовались, сию ж минуту выбежали на двор, чтобы воротить его и толком поговорить, а его и след простыл, — Митькой Звали! Слышно только, как по улице покатила повозка, да колокольчик зазвенел. Кузнецовы — за ворота и видят: дом их офрунчивают солдаты. Что за оказия? Оказия, батенька! Случилась эта оказия вот по какому побыту.

В тот же самый вечер часами двумя раньше сидел у атамана в гостях купец. Пришел другой купец, помолился образу, поклонился атаману, взглянул на первого купца и онемел! Два часа совсем без языка был. Тем временем первый купец встал, раскланялся с атаманом и ушел, как ни в чем не бывало. Часа через два у второго купца язык, кой-как, кой-как и поворотился.

— Кто это был у тебя? — спросил он атамана.

— Купец! — говорит атаман.

— Не купец, а это сам Пугач! — говорит второй купец.

Он, значит, признал его сразу и от испугу онемел. Тут и атаман догадался, — сию ж минуту взял у солдатского командира солдат и кинулся к Кузнецовым, да не застал его. Офрунтил дом, да без толку: шиш взяли. Слышал только, как колокольчик заливался по дороге к Чувашскому умету. Не такой, значит, он человек был, этот, по-вашему, Пугач, одно слово: штукарь! в одно ухо влезет — в другое вылезет!

1 Название рыболовства, специализировавшегося исключительно на ловле севрюг. Казаки сокращенно называют его: «севрюги», например, «идти по севрюги», «был у севрюг». (А. Л.)